

Николай Лесков

На смерть М. Н. Каткова

Николай Семёнович Лесков

На смерть М. Н. Каткова

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4614351*

Аннотация

Смерть (20 июля 1887 года) М. Н. Каткова, многолетнего вдохновителя и негласного руководителя реакционной политики царского правительства в 70–80-х годах, вызвала бурные выражения скорби и печали в реакционных кругах России и за рубежом, начиная с самого царя, Александра III. Перепечатка одних только телеграмм и наиболее значительных печатных откликов составила целую книгу – «Памяти Михаила Никифоровича Каткова»... Отношение Лескова к Каткову к концу жизни последнего было резко отрицательным; особенно ярко это отношение выразилось в настоящей статье-некрологе.

Содержание

Примечание

11

Николай Семенович Лесков

На смерть М. Н. Каткова

«Память праведного с похвалами», «Честна пред господом смерть преподобных его». Эти слова церковных песнопений, если приложить их к явлениям, сопровождавшим недавнюю кончину М. Н. Каткова, сопричисляют львояростного кормчего «Московских ведомостей» к сонму праведников и навеки вплетают имя его в благоуханный венок преподобных.

Телеграммы со всех концов родины и из центров западной политики, усердно подобранные по графам топографической росписи в последней книжке «Русского вестника», должны как бы воочию напоминать падким на забвение россиянам, что их умерший брат унес за собою в могилу скорбь лиц, и восседающих на высоте императорского трона и скромно ютившихся под сенью жилищ провинциальных чиновников. Во всяком случае, можно поручиться, что дотеле ни один русский писатель своей смертью не принес столько работы телеграфному ведомству. Сказалась его смерть и на работе железных дорог: из Петербурга в осиротелую Москву не потяготился проехать сам И. Д. Делянов, чтобы над свежей могилой лейб-пестуна и гоф-вдохновителя министра народного просвещения пролить слезу благодарности от муз российского Парнаса, а из Парижа на погост Алексе-

евского монастыря примчался республиканский монархист Поль Дерулед, сия взлелеянная на Страстном бульваре французская ипостась того самого вольного казака Ашинова, кого венчала скороспелыми лаврами героя XIX века властная, но не всегда разборчивая на хулу и на хвалу рука московского громовержца.

Если эти свежие картины прикинуть к тому, как и на нашей памяти и по живому преданию старины наша вялая и сонная родина провожала в последний путь земли не только Тургенева или Достоевского, но даже Гоголя или Пушкина, то, пожалуй, будущий ее летописец, учитывая в каждом случае степень проявленной ею скорби, по воплям усердных плакальщиц и вздыханиям телеграфных причитальщиков признает кончину Каткова утратой более горестной, чем смерти названных только что ее лучших писателей, а Михаилу Никифоровичу усвоит титул «князя от князей» русской письменности.

Нужно ли говорить, как опрометчиво было бы такое признание, если оценивать писателя не по воплям его осиротелых оруженосцев, а по настоящему весу того, что защищал пером своим писатель.

Что вспомнит каждый из литературного наследия Каткова при первом же упоминании его имени? Конечно, классицизм, ради торжества которого он не только создал на весьма сомнительные приношения Полякова особый Лицей, столь же далекий от афинского, насколько П. М. Леонтьев был не

похож на Аристотеля, как бы на этот счет ни судил осиротелый ныне А. И. Георгиевский, но и всю русскую школу от Ревеля до Иркутска и Оренбурга под единообразный колер греко-римского тонкословия. Но от сего «плясали лики» лишь тех чешско-русинских иродов, от усердия которых «сбытся реченное Иеремией-пророком, глаголющим: ужас в Раме слышан бысть, плач, и рыдание, и вопль мног», раздавшийся в каждой русской семье, над чадами коей с 1877 года, по указке М. Н., творили свои лютые эксерсицы австрийские изверженцы, в гостеприимных складках русской порфиры нашедшие убежище от подчас весьма заслуженной кары венских и пражских полициантов. Не подумал впопыхах každодневного писания страж монархии и про то, каким удобрением для всходов на монархической ниве явятся ораторы и историки республиканских Афин и Рима, лучшие страницы свои пропитавшие неумолимой ненавистью к тиранам. Он будто не видел, как много дров кладет на костер неизбежной в первую голову из-за его же работы русской революции руками призванных им из-за Карпат бездушных шультмейстеров, беспощадно выбрасывавших на улицу всякого живого юношу, не способного познать сладость Кюнера и мудрость Юлия Цезаря... Фелькеля.

Но это наше, семейное, домашнее горе, а нам испокон веков не привыкать стать к тому, чтоб над детьми нашими измывался «всяк человек лукав и жесток в начинаниях и человек зверонравен». Но гоня своих «яко же вран по горам»,

М. Н. еще большую, едва ли не всемирную славу стяжал в 1863 году писаниями по польскому делу, посадивши в Вильну Муравьева и руководя передовицами из московского кабинета в многострадальной Литве и Польше, вызывая одинаково ярый восторг политических кликуш в стиле Антонины Блудовой и несказанную зависть своих бессильных подражателей вроде И. П. Корнилова или профессора Кояловича. Теперь, когда прошел угар порушенной отчизны, видно, что в пылу священного восторга М. Н. не разглядел и не сообразил, на чью мельницу льет воду, не понимая, какого непримиримого и лютого врага готовит России и русским в каждом поляке, согнанном с отцовского будынку и лишенном права даже с сыном разговаривать на языке своих отцов. Одной рукой, по сию сторону Вислы, поддерживая дворянство, эту миражную опору трона, а другой, по ту сторону той же самой Вислы, натравляя на всякого пана и шляхтича оравы самой разнузданной черни только потому, что и эти стервятники жаждали урвать перо от крыла ненавистного Каткову одноглавого польского орла. Слепая власть и немая печать возносили кадиланицы, полные фимиама, к стопам московского Талейрана, забывшего как раз про основное правило последнего: *toujours pas trop de zele*,¹ и, на наш скромный суд, куда ближе подходил к именитому дипломату наш безвестный законоучитель, который, глядя на пламеневших неугасимой ненавистью сосланных и к нам в Орел после руины

¹ Всегда без лишнего усердия (*франц.*).

1830 года поляков, говорил: и чего их сюда нагнали! Сидели б они себе по цукерням за марципанами, а нам и своего горя не избыть, а не то чтоб еще соседей жать да разорять, И пусть епископ Амвросий, проводивший в могилу пламенным словом благоволившего к нему редактора, взвесит на весах своей епископской совести, кто ближе подходил к Христу – орловский ли немудрый попик или превосходительный трибун Страстного бульвара?

Утвердив в прошлое царствование за собой титул непрекаемого политического оракула статьями по польскому вопросу, в нынешнее Катков от маленького Парижа на берегах Вислы перенес свою опеку на большой на берегах Сены и, сильно гневаясь на Бисмарка за нежелание признать в нем Дельфийского оракула, а не грамотного наследника Ивана Яковлевича Корейши на Шеллинговой подкладке, стал работать на многоплодной для себя стезе франко-русского союза., Но и тут шоры личных пристрастий скрыли от него опасность общения неограниченного монарха с самым открытым и победным воплощением республиканской власти. Но «скрытое великим уявился малым», и этим еще летом один пастор в беседе с нами сравнил русского царя, заключающего союз с французским президентом, с семейной дамой, отдающей свою дочь в пансион содержательницы непотребного дома. Похвалы, расточаемые сего случая ради катковскими курантами по адресу весьма щедрой на оплату таковых республиканской власти, – это, конечно, очень сильный удар

по зданию монархии, внушающий мысль, что, стало быть, республика вовсе не столь гнусное зло, коль скоро по нужде и русский царь принимает от нее руку помощи., Герцен и Миртов со своими женевскими подголосками сделали, пожалуй, меньше для примирения русской мысли с приемлемостью республиканского строя, чем столь искренне оплаканный государем Катков. Союз этот, подрубая внутри страны с корнем дерево ее исконного уклада, подводит нас под неисчислимыя беды европейской войны, на которую, конечно, вынуждены будут пойти наши соседи немцы, коль скоро мы так тесно связались с их врагом, и сами французы, которые только потому и берут себе на повод казацкого медведя, что ждут его помощи в час того реванша, без мечты о котором ни один француз и не ляжет и не встанет.

В одной старинной, правда отреченной, книге предуказано, будто всякий покойник вратарю царства небесного должен предъявить складень с изображением содеянного им при жизни. Суздальские богомазы без труда составят таковой для душеньки благоволившего им Каткова: классицизм, разгром Польши, франко-русский союз займут створки этого оправдательного триптиха. Кто по намекам наших беглых строк с достаточной ясностью сообразил, во что России обошлись и еще обойдутся в грядущем эти дары Каткова, тот, пожалуй, подумает, что И. Д. Делянов обнаружил бы большую прозорливость, если бы смиренно сидел на паперти армянской церкви и не утруждал себя поездкой в Москву на

похороны Каткова.

Примечание

Печатается по тексту публикации А. Н. Лескова в «Звеньях», кн. III – IV, «Academia», 1934, стр. 894–897. А. Н. Лесков использовал копию, сделанную в свое время проф. Б. В. Варнеке с находившихся у актера М. И. Писарева корректурных гранок «Нового времени», с надписью А. С. Суворина: «РЗБРЬ <разобрать>. Зачем Ф. И. (Булгаков) давал в набор эту сумасшедшую вещь?»

Смерть (20 июля 1887 года) М. Н. Каткова, многолетнего вдохновителя и негласного руководителя реакционной политики царского правительства в 70–80-х годах, вызвала бурные выражения скорби и печали в реакционных кругах России и за рубежом, начиная с самого царя, Александра III. Перепечатка одних только телеграмм и наиболее значительных печатных откликов составила целую книгу – «Памяти Михаила Никифоровича Каткова» (приложение к «Русскому вестнику», 1887, № 7, стр. 1–209). Отношение Лескова к Каткову к концу жизни последнего было резко отрицательным; особенно ярко это отношение выразилось в настоящей статье – некрологе. Написанная с вызывающей дерзостью, подчеркнута памфлетно, статья Лескова очевидно противоречила всему, что писала о Каткове даже либеральная пресса. При таком положении не совсем ясны причины, побудившие Лескова написать, а затем отдать написанное в такой орган,

как «Новое время», – орган, систематически, правда, полемизировавший с Катковым (в очень умеренных тонах, впрочем), однако придерживавшийся тех же охранительно-консервативных начал, что и катковские «Московские ведомости», мало уступавший последним в реакционности. Судя по резкости надписи Суворина, появление статьи в редакции «Нового времени» совпало с очередным расхождением между ее автором и Сувориным: это также должно было предопределить отрицательное отношение к ней хозяина «Нового времени».

...в осиротелую Москву не потяготился проехать сам И. Д. Делянов... – Министр народного просвещения И. Д. Делянов участвовал в похоронах Каткова в качестве официального представителя правительства. Лесков именует далее Каткова «лейб-пестуном и гоф-вдохновителем» Делянова, так как подавляющее большинство основных и важнейших мероприятий министерства народного просвещения было либо прямо подсказано Катковым, либо осуществлялось после тщательных консультаций с ним.

...примчался республиканский монархист Поль Дерулед... – Поль Дерулед (1846–1914), реакционный политический деятель французской республики, участник монархическо-шовинистического движения («буланжизма»). По сообщениям печати, Дерулед по приезде в Москву возложил на могилу Каткова «роскошный, художественно сделанный ве-

нок из желтых иммортелей, перевитых национальными русскими и французскими лентами»; после одной из панихид он выступил с большой речью («Русский вестник», 1887, № 7, стр. 20).

Ашинов, Николай Иванович – политический авантюрист. В 1883 и 1886 годах совершил путешествия в Абиссинию; по возвращении в Россию начал (при поддержке Победоносцева) формировать добровольческий отряд для присоединения «черных христиан» к «владениям белого царя». Авантюра быстро закончилась международным скандалом и полным крахом: отряд рассеялся, покровители отвернулись от Ашинова, и сам он был отдан под надзор полиции. Ашиновская авантюра с самого начала пользовалась поддержкой Каткова; в благодарность за поддержку Ашинов прислал на могилу Каткова венок из страусовых перьев – от «вольного казачества». Лесков относился и к самому Ашинову и к его затеям резко отрицательно (см. его статьи «Где воюет вольный казак» – «Петербургская газета», 1887, № 314, 15 ноября; «Вольный казак в Париже» – «Петербургская газета», 1887, № 326, 27 ноября; «Вольный казак в литературе» – «Петербургская газета», 1888, № 28, 29 января; «О вольном казаке» – «Петербургская газета», 1888, № 33, 3 февраля; «Вдохновенные бродяги» – «Северный вестник», 1894, № 10).

...сомнительные приношения Полякова... – В январе 1868 года в Москве был открыт «Лицей в память цесаревича Николая» (в просторечии – «Катковский лицей»), явив-

шийся одним из основных рассадников «классического» образования, поставивших не столько образованных, сколько политически благонамеренных чиновников, преподавателей гимназий и т. п. Лицей был открыт на средства, пожертвованные концессионером-железнодорожником Самуилом Соломоновичем Поляковым (1837–1888).

Леонтьев, Павел Михайлович (1822–1874) – историк, профессор классических древностей в Московском университете; реакционный публицист, многолетний помощник Каткова по издательским его предприятиям, а также по Лицею.

Георгиевский, Александр Иванович (1830–1911) – см. наст. изд., т. 10, стр. 562.

...творили свои лютые эксерсицы австрийские изверженцы... – Насаждение классицизма потребовало количество преподавателей латинского и греческого языков неизмеримо большее, нежели могли подготовить русские университеты. Министерство народного просвещения начало массами приглашать преподавателей-славян из Австро-Венгрии, главным образом чехов и галичан (украинцев). Плохо владея русским языком, преподаватели эти в большинстве своем приносили мало пользы. Случались между ними лица, стремившиеся переездом в другую страну, Россию, избежать заслуженной уголовной кары у себя на родине. Об одном из таких «педагогов», Владимире Малине, «неуловимом многоженце», Лесков написал целую серию статей («Новое вре-

мя», 1880, №№ 1703, 1707, 1710, 1717).

Кюнер, Рафаэль (1802–1878) – автор гимназических учебников греческого и латинского языков, переведенных с немецкого.

Фелькель, Юлий Карлович (1812–1882) – педагог; издал ряд школьных изданий сочинений Цицерона, Юлия Цезаря и других латинских авторов.

...едва ли не всемирную славу стяжал в 1863 году писаниями по польскому делу... – Статьи Каткова по польскому вопросу, в частности статьи, написанные в связи с польским восстанием 1863 года, не только отражали политику царского правительства и во многом определяли ее, но также способствовали созданию атмосферы полонофобства в обществе, помогая проведению обрусительской политики.

Блудова, Антонина Дмитриевна, графиня (1812–1891) – фрейлина, крайняя реакционерка и ханжа; в ее салоне вынашивались и получали одобрение многие политические предприятия, в частности обрусительского характера.

Корнилов, Иван Петрович (1811–1901) – попечитель виленского учебного округа, реакционер-обруситель.

Коялович, Михаил Осипович (1828–1891) – профессор Петербургской духовной академии, историк, автор ряда книг, статей и брошюр, посвященных «доказательствам» «единения» западных окраин с национальной политикой царского правительства.

...оравы самой разнузданной черни... – В данном случае

имеются в виду чиновники, переселявшиеся в польские губернии и получавшие имения опального польского шляхетства – всех, подозревавшихся в сочувствии восстанию.

И пусть епископ Амвросий, проводивший в могилу пламенным словом благоволившего к нему редактора... – Лесков ошибся: в панихидах по Каткову принимал участие епископ можайский Александр (Светляков, 1839–1895), проповедник и духовный писатель, сотрудник «Московских ведомостей».

Трибун Страстного бульвара – то есть Катков. На Страстном бульваре в Москве помещалась редакция «Московских ведомостей».

Корейша, Иван Яковлевич (1780–1861) – московский юродивый и прорицатель.

...на Шеллинговой подкладке... – Свою литературную деятельность Катков начал с изучения философии. В 1840–1842 годах он в Берлине слушал лекции немецкого философа-идеалиста Фридриха-Вильгельма Шеллинга (1775–1854).

...один пастор в беседе с нами... – Лето 1887 года Лесков провел в Аренсбурге, на острове Эзель (Сааремаа), с почти сплошь лютеранским населением (см. статью «Темнеющий берег» в наст. томе).

Миртов – псевдоним Петра Лавровича Лаврова (1823–1900). публициста-народника, философа, политического эмигранта. Поэтому его сторонники именуется «женевски-

ми подголосками».

Складень – икона, состоящая из нескольких (чаще всего – трех, отсюда – триптих) частей.

...если бы смиренно сидел на паперти армянской церкви... – Деянов жил в Петербурге, на Невском проспекте, в доме Армянской церкви.